

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫЗЪ

Лазарь Кармен

<Под рождество>

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен «Под Рождество»

Большой гастрономический магазин на Дебрибасовской улице накануне рождества, залитый светом ауэровских горелок, сиял, как чертог.

В магазин и из магазина непрерывно входили и выходили покупатели, увешанные покупками.

Мимо магазина под густо падавшим и мягко, как пух, ложившимся под ноги снегом шмыгали денщики с корзинками с вином, мальчишки из кондитерских с тортами, посыльные с цветами и проплывали нарядные дамы и девицы.

Тьма народа была на улице.

Перебегая от магазина к магазину за последними покупками, люди, празднично настроенные, покрывали улицу громким говором, шутками и раскатистым смехом.

И, вслушиваясь в этот шум, казалось, что теперь не поздний декабрь, а начало весны, когда в душистых акациях шумят, возятся, хлопчут и чирикают тысячи воробьев.

– Марья Петровна! Здравствуйте! – чирикала какая-то дама.

– Здравствуйте, здравствуйте, Ирина Гри-

горьевна!

– Куда так шибко? Да постоитте!

– Не могу. Еще одну покупочку надо сделать. Боюсь – магазин закроют. Au revoir!...

– Извозчик!... Во-оозчик! – покрывал этот диалог звонкий голос мальчишки, выскочившего со свертками из магазина.

– Есть! – откликнулся пушечным выстрелом с мостовой, по которой со звоном проносились сани, точно мукой обсыпанные снегом, извозчик и, как вихрь, срывался с места.

В этой сутолоке, в этой тьме народа, в этом шуме и падающем снеге, как булавочная головка в мешке с пшеницей, как жалобный писк птенца в шуме векового леса, затерялся Сенька Фрукт – совсем незначущая личность, червячок, пропащий гражданин Одесского порта.

Его никто не замечал, и никто не обращал на него внимания.

Толкаемый со всех сторон денщиками, посыльными и господами, он больше двух часов вертелся перед гастрономическим магазином.

Нос, щеки, руки, оголенные в нескольких

местах ноги, спина и грудь его – все это было раскрашено и почти до крови натерто морозом. А козлиная русая бородка, усы, брови, веки и куча волос, на которых чудом держался «окурок» фуражки, были посеребрены морозом и похожи на стальные щетки.

Но Сенька не обращал на это никакого внимания.

Засунув руки в рукава своей кофты, – на нем вместо пиджака была женская теплая кофта в заплатках, – надвинув на глаза свой «окурок», скрючившись в вопросительный знак и безостановочно и глухо покашливая, он каждую минуту заглядывал в магазин через настежь раскрытые двери.

Лицо при этом у него делалось злым, как у волка.

В магазине было людно, тепло и весело.

В большом пространстве, огороженном кадками в белых рубахах с надписями «Нежинские огурчики», «Королевские сельди», «Икра паюсная», «Икра зернистая», полками, на которых лежали и лоснились кучи всяких колбас, ветчины, зажаренных уток, тяжелых и блестящих, как зеркало, окороков, и

стойками с батареями всяких вин, водок и ликеров топтались в нанесенном с улицы снеге и грязи дамы в шикарных ротондах, мужчины в шубах, чиновники и студенты в николаевских шинелях, кухарки, толкали друг друга, перебирали руками и обнюхивали со всех сторон колбасу, сыр и трещали на разных голосах так громко, что было слышно на улице.

– Дайте же мне наконец полфунта паюсной икры!

– Неужели мне два часа ждать сыру?

– Дайте фунт охотничьих колбас и фунт чайной!

Розовые, как амуры, приказчики в круглых каракулевых шапочках и картузах, в белых передниках, с кожаными нарукавниками возле кистей рук, с карандашиками за ухом метались от одной кадки к другой, от прилавка к прилавку, резали колбасу, ветчину и сыр, взвешивали, заворачивали в бумагу и скороговоркой отвечали нетерпеливым покупателям:

– Извольте-с, сударыня, получить фунт чайной колбасы. Еще чего прикажете? Ничего-с? Мерси-с! Кушайте на здоровье!

– Грибков вам маринованных? Сию секунду-с! Не угодно ли присесть?

– С вас, мусью, два рубля семьдесят три копейки. Извольте получить чек и обратиться в кассу.

– Уверяю, самое свежее! Сегодня только получено. Так прикажете отрезать?...

Получив свои покупки, покупатели направлялись к кассе у дверей, за которой сидел с бесстрастным лицом кассир, расплачивались, опускали мелкую монету в кружку Общества спасания на водах – раскрашенную жестяную спасательную шлюпку – и удалялись.

Улучив момент, когда кассир головой погружался в конторку, Сенька легонько поднимался на каменную ступеньку перед дверьми, выкруглял спину и вытягивал свою длинную шею вместе с серебряной головой, оглядывал публику и поводил носом.

Можно было подумать, что ему доставляет удовольствие послушать разговоры приказчиков с публикой и что он наслаждается запахом окороков, сыров и колбас.

Но как только кассир поворачивал лицо к

дверям, Сенька моментально втягивал, как улитка, голову и длинную шею в свои узкие плечи и давал задний ход.

Он соскакивал со ступеньки.

– О, чтоб вас! Анафемы! – ругал он вполголоса покупателей. – Да разойдетесь вы наконец? Все мало вам! Весь магазин хотели бы забрать! И в какую утробу вы столько колбас понапихаете? Чтоб вас разорвало!

Повертевшись немного и потолкавшись в публике, он снова подходил к магазину, просовывал в двери свою смешную голову и ворчал по адресу какой-нибудь барыни в роскошном саке:

– Да будет тебе... торговаться и людям (приказчикам) голову морочить! Сказано тебе, что фунт сыру – семьдесят копеек. Чего же торгуешься? И на кого она похожа? Нацепила на себя шляпу с пером! Умереть можно. Ах ты, чимпанзе!

Будь у меня такая жена, я бы ее в зверинец отправил. Что ты говоришь? Сыр не свежий? Скажите пожалуйста! Оне не привыкли несвежий сыр есть. Боже мой, боже мой, какие мы нежные... А этот длинный в очках на

кого похож? На цаплю! Тоже онор имеет и на букву «г» говорит (тон задает).

Ни один находившийся в магазине не избежал его злой критики.

Каждого выходящего из магазина он встречал такими словами:

– Так бы давно. А то стоишь и торгуешься двадцать часов. Слава богу, одним менче.

Но радость сейчас же покидала его, так как на смену одного являлись пять новых. И он от злости сжимал кулаки и скрипел зубами.

«Когда же наконец послободнеет?» – спрашивал он самого себя с отчаянием в голосе.

Сенька вот уже седьмой год, что ходит перед каждым рождеством в этот магазин за обрезками.

Приказчики, освободившись от работы, подзывали его и набрасывали ему в фуражку обрезки охотничьей и чайной колбасы, ветчины и сыру.

Взвесить бы эти обрезки, всего-то их оказалось бы на пятачок.

Пятачок, что и говорить, монета пустячная. Для иного пятачок – все равно что плевок.

А для Сени и для всякого портового босяка в зимнее время – капитал.

Вот почему он готов был ждать даже еще три часа.

Не остаться же ему в праздник без мяса.

Чтобы хоть чем-нибудь развлечься, Сенька подошел к витрине магазина.

В громадной витрине, залитой приятным светом, как в аквариуме, во всю длину ее покоилась громадная, без шелухи рыба, хорошо прокопченая, жирная, сочная, янтарная. Она купалась в соку. Ее окружали полчища разноцветных бутылок, окороков, белые, как молоко, поросята и коробки с разным соленьем.

Дрожь электрическим током пробежала по телу Сени.

У него родилась преступная мысль:

«Посадить на правую руку фуражку, разбить стекло, вытащить быстро за хвост эту подлую рыбину и сплейтовать (удрать) в порт».

Да! Это было бы недурно. «Но куда тебе, несчастному Сеньке Фрукту, – заговорил в нем благоразумный голос. – Будь ты блатным (ловким вором), куда ни шло. А то ведь ты

жлоб (дурак). Далеко не уедешь. Сейчас мент (постовой) сцапает тебя, и попадешь ты в участок. И будет тебе в участке хороший праздник».

Сенька со вздохом расстался со своей мыслью и, дабы не поддаваться больше соблазну, оставил витрину.

Он опять заглянул в магазин и просиял.

Народу в магазине теперь было совсем мало. Всего пять-шесть человек.

– Слава богу, – проговорил Сенька, откашлялся, вытащил из рукавов красные, как бы обогранные кровью руки, снял картуз и бесшумно влез в магазин.

– Что надо? – грубо спросил кассир.

– Обрезки... Приказчики изволили обещать, – пролепетал он, с трудом ворочая одеревеневшими от мороза губами.

– После придешь, – отрезал кассир.

– После опять много народу будет... Они сказали, что когда послободнее будет, чтобы прийти... Теперь слободно...

– Убирайся!

– А я уже три часа жду, барин. – И Сенька соорудил плаксивое лицо. – Смерз весь. Ей-бо-

гу... Страсть как холодно на дворе. Как ножом режет...

– После, после! Я же тебе сказал, когда совсем слободно будет! – послышался из-за прилавка резкий голос старшего приказчика. – Будешь надоедать, ничего не получишь!

Сенька помял в руках картуз, пожал плечами, засмеялся неестественным смехом и покорно проговорил:

– Что ж. После так после. Три часа ждал. Можно еще часок подождать.

И он оставил магазин.

«Попросить бы у кого-нибудь», – подумал он и запел над ухом одного франта:

– Пожертвуйте что-нибудь ради праздника образованному и благородному человеку.

Но тот и глазом не моргнул.

Из магазина в это время вылез толстый, приземистый господин с бабьим лицом, без бороды, в шубе.

Это был Семен Трофимович Быков, одесский домовладелец, он же хозяин мясной лавки на Молдаванке, человек по натуре мягкий, чувствительный, но бесхарактерный.

За спиной Семена Трофимовича стоял ар-

тельщик с громадной корзиной, отягченной окороками.

Семен Трофимович запахнулся плотнее в свою шубу, посмотрел на падающий снег и быстрым взглядом оглянул мостовую.

Сенька моментально сообразил, что надо Семену Трофимовичу, подскочил к нему, ловко козырнул по-военному и спросил:

– Позвать извозчика, барин?

– Сделай милость, – ответил тот.

Через дорогу возле магазина белья стояли сани. Сенька подскочил к обочине тротуара, замахал руками и крикнул:

– Извозчик!

– Занят! – последовал ответ.

– Извозчик! – крикнул он потом другому и третьему.

Все, как назло, оказались занятыми.

Тогда Сенька бросился в переулок, отыскал свободные сани, прыгнул в них и подъехал, как триумфатор, к магазину.

– Пожалуйте! – крикнул он Семену Трофимовичу и выскочил из саней.

Семен Трофимович подошел вместе с артельщиком.

– Прикажете поставить? – спросил артельщик, указав на корзину.

– Поставь.

– Я поставлю! – воскликнул Сенька и, не дожидаясь разрешения, почти вырвал из рук артельщика двухпудовую корзину.

Артельщик ушел, а Сенька стал устраивать в санях корзину.

– Полегче. Бутылки не разбей, – заметил ему Семен Трофимович.

– Будьте покойны, – ответил Сенька.

Пока Сенька возился с корзиной, Семен Трофимович разглядывал его тощую, стоявшую к нему спиной и терзаемую кашлем фигуру, профиль страдальческого лица, голую шею, присыпанную снегом, и вдруг почувствовал к нему глубокую жалость и расположение.

Он вспомнил почему-то недавно прочитанного на сон грядущий «Юлиана Милостивого», как тот пригрел прокаженного и как прокаженный оказался лучезарным ангелом, посланным Юлиану богом для испытания.

«А что, – промелькнула в голове Семена Трофимовича нелепая мысль, – если этот ма-

ленький, худой, оборванный человек, возящийся над его корзиной, – такой же, как и тот прокаженный, и послан Семену Трофимовичу господом богом для испытания?»

Мысль эта была неожиданна и повергла его в трепет.

«Все равно, – подумал он потом, – кто бы ни был, а я должен пригреть его. Возьму его сейчас домой, и мы вместе встретим праздник», – решил он.

От этого решения на душе у него сделалось так легко, точно он услышал великую радость.

Сеня тем временем окончил работу, поднял голову и, ничего не подозревая о готовившемся для него сюрпризе, проговорил с улыбкой:

– Готово, ваше благородие.

– И прекрасно, – сказал как-то особенно мягко и ласково Семен Трофимович. – Теперь садись! – И он легко втолкнул его в сани.

Сенька вытаращил на него свои мышинные глаза.

– Поставь корзину к себе на колени, – сказал, как прежде, мягко и ласково Семен Тро-

Фимович.

Сенька, продолжая таращить на него глаза, исполнил его приказание.

Семен Трофимович одобрительно кивнул головой и с кряхтением залез в сани.

– Подвинься, – попросил он Сеню.

Сеня забился в самый угол саней и, несмотря на это, оказался до боли притиснутым Семеном Трофимовичем. Сене сделалось так тесно, как тесно покойнику в гробу. Он задыхался.

– Не тесно тебе? – спросил участливо Семен Трофимович, захватив девять десятых узкого сиденья.

– Н-не, – соврал Сенька.

– А корзина не тяжела?

– Н-не, – соврал опять Сенька.

Корзина давила его колени, как надгробный памятник.

– Тогда с богом, извозчик!

Сани со скрипом и звоном полетели по снежному пуховику.

Сеня, придерживая обеими руками и подбородком корзину и изнемогая от ее тяжести, ждал, что будет дальше.

Когда они проехали полквартала, Семен Трофимович повернул к нему свое доброе, бабье лицо и спросил:

– Ты, брат, чем занимаешься?

– В порту работаю. Уголь из трюмов выгружаю, – ответил скромно Сенька.

– Та-ак-с. А работа выгодная?

– Не очень чтобы. Конкуренция. Банабаки и буцы совсем цены сбили. Прежде по рублю работали мы в день, а теперь иной раз по сорок копеек.

– А кто они, банабаки?

– Имеретины и грузины. И нанес их черт с Кавказа! Сидели бы себе там и шашлыки свои лопали.

– А буцы кто?

– Мужики. Тоже анафемы. В деревне сладкого нет, так они к нам за сладким в порт лезут.

– А ты сегодня работал?

– Где там, когда ни одного английского парохода в гавани. Лед кругом. Декохт такой в порту, что держись.

– А декохт что такое?

– Пост. – И Сенька рассмеялся.

– Вот оно что. А где ты нынче, милый, праздник встречать будешь?

– Известно где. В баржане, в приюте.

– Ну, этого не будет, – торжественно заявил Семен Трофимович. – Ты вот что, друг любезный, поедешь со мной ко мне домой, и вместе праздник встретим, как полагается всякому православному.

Сенька, как услышал это, поймал его руку и беззвучно прилип к ней.

– Что ты?! Христос с тобой! – оторвал его руку Семен Трофимович.

Он после этого совсем расчувствовался, положил на плечо Сеньки свою тяжелую руку и ласково проговорил:

– А кутья у нас будет хорошая. С орехом, миндалем, маком... Любишь такую кутью? Небось никогда не едал такой. Хе-хе! Потом рыба всякая, вино, водка, и рябиновая, и горькая, и наливка.

У Сени при перечислении всего этого глаза забегали и потекли слюнки.

Семен Трофимович помолчал малость и затем продолжал знакомым торжественным голосом:

– Вот я не знаю, кто ты, да и на что мне знать, я беру тебя к себе домой, потому что я – христианин и ко всякому бедному человеку жалость иметь могу. Христос учил одевать нагого и кормить голодного... А ты бы, милый, накрыл чем-нибудь грудь! Боюсь, простудишься. Ты и так кашляешь. Ах ты, милый человек, братец родной мой...

– Не извольте беспокоиться. Дело привычное, – ответил с дрожью в голосе Сеня и громко всхлипнул.

Ласковые речи Семена Трофимовича тронули его за самую душу.

Первый раз в жизни он слышал такие речи.

Кто говорил с ним так?

Разговоры с ним были известные. Все называли его босяком, дикарем, пьяницей.

– Эх! – вырвалось у Сеньки, и он всхлипнул громче.

Семен Трофимович тоже прослезился, и оба поднесли рукава один – своей шубы, а другой – женской кофты к глазам, из которых зернами пшеницы падали слезы.

– Куда прикажете, барин? Влево или впра-

во? – испортил своим вмешательством эту удивительную картину извозчик.

– Влево. Нам на Градоначальническую улицу, – ответил Семен Трофимович.

Извозчик повернул налево.

Сенька перестал всхлипывать и переставил корзину с одного колена на другое.

– Тяжело тебе? – спросил, как прежде, участливо, указав глазами на корзину, Семен Трофимович.

– Не-е, – ответил Сенька.

– Скажи, есть у тебя кто-нибудь? Мать, отец?...

– Никого.

– Бедный. Подожди... Дай только приехать домой... Все хорошо будет... А я, брат, живу не как-нибудь. В пяти комнатах. Комнаты светлые-светлые, как фонарь. Мебель-то какая. В чехлах вся. Фортепиано, люстра, граммофон. Что хочешь, граммофон играет. Например, «Жидовку», «Утеноты», романц «Под чарующей лаской» и смешные такие куплеты «с одной мадмозелью случилась беда, полнетъ как-то вдруг стала»... А жену посмотрел бы ты мою. Красавица. Детей у меня четверо. Стар-

шему, Косте, – четырнадцать. В гимназии учится. Как же! Отметки преотличные. Все «пять» и «четыре» и ни одной единицы. Я ему за это велосипед купил и «Ниву» выписал.

Сеня слушал его со вниманием и в знак удивления покачивал головой и поднимал и опускал брови.

Семену Трофимовичу, как видно, большое удовольствие доставляло говорить о своем доме, и он продолжал:

– Вчера только две кровати английские купил. Сто тридцать рублей отдал за них. Были у меня деревянные, да не выдержали. Увидишь... А ты как поужинаешь, переночуешь на кухне. Это ничего, что на кухне. У меня там тепло. Как в бане. Тебе матрац дадут, подушку.

Сенька, слушая его, радостно улыбался и заранее предвкушал все эти удовольствия.

«Скорее бы только добраться домой, – думал он, – да согреться и поужинать. А то промерз насквозь и голоден как волк. А на кухне, должно быть, кухарка есть. Толстая такая, красавица, румяная». Греховная мысль о кухарке заставила его улыбнуться во весь рот.

– У тебя, брат, я вижу, сорочки нет, – прервал его приятные думы Семен Трофимович. – Как же можно в такой холод – без сорочки? Я тебе сорочку дам. Даже две. У меня их много. Пять дюжин. И фуфайку дам. Знаешь, иегеровскую. И ботинки... Два раза только ботинки в починке были. Не знаю только, хороши ли они на тебя будут? У тебя какая нога? Большая или маленькая?

– Не извольте беспокоиться. Самая подходящая. А ежели они очень велики, то можно будет напхать в носки хлопок или газету.

– Это верно ты сказал... Я тебе еще пальто подарю. Два года у меня даром на вешалке висит... Дай только приехать домой... А какой водочкой тебя угощу! Желтой. А ты пьешь? Может быть, не пьешь?

– Помилуйте, – чуть было не обиделся Сенька.

Семен Трофимович перестал приставать к нему с разговорами и погрузился в свои думы.

Никогда-никогда он не чувствовал себя так хорошо и таким чистым перед богом, как теперь.

Как же! Такое хорошее и богоугодное дело сделал. Взял человека с улицы и пригрел его.

Но, отъехав два квартала, Семен Трофимович вдруг завял, сократился, беспокойно завертелся на своем сиденье и со страхом посмотрел на Сеню.

Он как будто только сейчас увидал его, до того тот показался ему чужим.

Сенька сидел, нагнувшись над корзиной, и мечтал.

Он мечтал о теплой, как баня, кухне и кухарке. Он рисовал себе вот что: на кухне – полусвет. Сытый и слегка пьяный, он лежит на матрасе в углу, а она, кухарка, лежит на деревянной скрипучей кровати и вздыхает.

– Чего, матушка, вздыхаешь? – спрашивает он.

– Да как не вздыхать, милый человек, – отвечает она. – Весь день работаешь, и нет тебе удовольствия.

– А муж у тебя есть?

– Нет.

– Как же так без мужа?

– А на черта мне муж? Чтобы бил меня?

– Почему чтобы бил? Таковую славную ба-

бу-то. Выходи за меня замуж, как в раю жить будешь. Всякие удовольствия предоставлю. Гм!...

– Ах, какой смешной!... Хи-хи!

«Господи! Что я наделал? – думал в это время Семен Трофимович. – Взял с улицы первого встречного, оборванного и домой везу. Кто он? Может быть, он не угольщик, а душегуб, беглый. Хоть бы паспорт спросил у него. А что жена скажет? Без спросу ее в гостиную ввести такого лохматого, босяка... Ишь какие у него патлы. Сколько зверья в них, как подумаю».

– Послушай, любезный, – обратился он к Сеньке.

Голос его теперь не был торжествен. В нем чувствовалась тоска и неловкость.

Сенька с трудом расстался со своими дивными мечтами и поднял голову.

– Давно был в бане? – спросил Семен Трофимович.

– Давно.

– Как давно?

– В позапрошлом году.

– Гм-м!

Семен Трофимович отодвинулся и опять

подумал: «Вот целый год в бане не был... И как я, дурак, решился... Нет, этого никак нельзя. Жена загрызет. Надо ему сказать по совести. Он сам поймет. Но как? Неловко, стыдно. Сам ведь пригласил его, наговорил ему за кутью с миндалем, за желтую водку, за теплую кухню, за рубахи, фуфайку и прочее. А теперь... Да делать нечего».

Семен Трофимович для храбрости откашлялся и робко сказал Сене:

– Послушай!

Тот поднял голову и приготовился услышать опять что-нибудь про его обстановку, про граммофон, про рубаху, фуфайку и прочие подарки.

Но вместо этого он услышал совсем иное.

– А что жена моя скажет?

– Что-о-о? – не понял было сразу Сенька.

– Что жена, спрашиваю, скажет? Она у меня не очень-то добрая. Чего, спросит, с улицы незнакомого человека в дом привел? А вдруг она возьмет да меня с тобой выкинет? Что тогда? Каково положение? А!

«Дзинь!» – послышалось вместо ответа.

Это зазвенели бутылки в корзине на коле-

нях у Сеньки.

Дрожь пролетела по всему его телу и сообщи-лась бутылкам.

– Легче! Разобьешь! – вскрикнул, побагровев, Семен Трофимович... – Ну, как ты думаешь насчет этого самого?

– Как я думаю?... – прошептал Сенька и посмотрел на Семена Трофимовича испуганными глазами.

– Вот что, милый, я тебе скажу, – Еыручил его Семен Трофимович... – Дам я тебе полтинник, и ступай себе ты в трактир или ресторацию... А насчет рубах, фуфайки, пальто и всего прочего приходи ко мне после праздников. Что обещал, то дам. Так ты как? Ничего?

– Ничего, – машинально ответил Сенька.

– Стой, извозчик! – закричал Семен Трофимович. Извозчик остановился.

– Ну!... Отдай корзину и вылезай.

Сенька отдал ему корзину и неуклюже вылез.

– Постой, – сказал Семен Трофимович. Он достал из кошелька полтинник и сунул ему в руку. – Ты, брат, не сердись? – спросил он его потом.

– Чего сердиться? – слышался тихий ответ.

– Так будь здоров. Не забудь прийти за тем, что обещал. Извозчик!

Извозчик дернул вожжи, Семен Трофимович глубоко вздохнул, как человек, с которого свалилось бремя, и сани понеслись, оставив посреди мостовой, в глубоком снегу Сеню.

«Как же это так, – шептал Сеня вслед удалявшимся саням. – Обещал кутью, то, другое, третье. А вышло вот что. Уж не посмеялся ли он надо мной? Наверно, посмеялся».

И Сенька стал громко ругать Семена Трофимовича, пересыпая свою ругань портовыми эпитетами:

– Ах ты, бочка сальная! Чтоб тебе домой не доехать!

Он ругал его, злился несколько минут, а потом от души расхохотался, пошел с полтинником в трактир и поужинал. Из трактира пошел в порт, в баржан и рассказал о своем приключении товарищам. И все хохотали до колик.